

Язык. Константы. Переменные

Памяти Александра Евгеньевича Кибрика

УДК 811+81'44
ББК 81
Я 410

Редакционная коллегия:

*М. А. Даниэль, Е. А. Лютикова,
В. А. Плунгян (гл. ред.),
С. Г. Татевосов, О. В. Федорова*

Я410 Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. – СПб.: Алетейя, 2014. – 680 с.

ISBN 978-5-90670-514-3

Настоящая книга представляет собой сборник научных статей, посвященных памяти замечательного российского ученого и организатора науки, крупнейшего полевого лингвиста и оригинального теоретика, члена-корреспондента РАН Александра Евгеньевича Кибрика (1939–2012). Представленные в книге статьи затрагивают актуальные вопросы теории языка и методологии лингвистических исследований, лингвистической типологии, описания русского языка и других языков мира (особенно языков Дагестана). Ряд статей содержит мемуарные фрагменты. Для широкого круга лингвистов.

УДК 811+81'44

ББК 81

В оформлении обложки использована картина матери А. Е. Кибрика художницы Лидии Тимошенко «Портрет сына» (1962)

ISBN 978-5-90670-514-3

9 785906 705143

© Коллектив авторов, 2014
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2014

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СКЛОНЕНИЯ В АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ¹

ВВЕДЕНИЕ

Падежные системы адыгских языков — адыгейского и кабардино-черкесского (кабардинского) — не отличаются богатством граммем и грамматических форм и не получили столь глубокого освещения, как дагестанские, см. Kibrik 1991; Кибрик 2003. Тем не менее, в адыгском склонении представлен ряд как собственно морфологических, так и семантико-синтаксических явлений, нетривиальных и с типологической, и с теоретической точек зрения.

В описательной и сопоставительной литературе по адыгским языкам именно словоизменение описано весьма подробно, см. в первую очередь Кумахов 1971: 59–169, а также более ранние работы Шагиров 1961 и Таов 1967; см. также монографию Зекох 1969 о падежной системе адыгейского языка. Напротив, в теоретической и типологической литературе особенности адыгского склонения практически не рассматривались; исключением является написанная в рамках структуралистского подхода статья Kuipers 1962 о падежной системе кабардино-черкесского языка.

В данной статье, которая призвана заполнить эту лауну, речь пойдёт лишь о морфологических аспектах структуры адыгских падежных систем, а особенности функционирования падежных граммем будут рассматриваться лишь постольку, поскольку они оказываются релевантными для основной проблематики работы. Моей задачей при этом является как представление известных адыговедам фактов, так и демонстрация их нетривиального характера, в частности, описательных проблем, которые они ставят перед популярными ныне формальными морфологическими теориями.

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АДЫГСКИХ ПАДЕЖНЫХ СИСТЕМ

Общие принципы морфологического устройства и функционирования падежных систем являются едиными для обоих адыгских языков (см., например, Кумахов 1971: 59–169). Практически во всех современных описаниях выделяются четыре падежных граммемы: абсолютив (традиционное название — именительный), обликвус или кос-

¹ Работа выполнена при поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований, грант № А23, и проекта Минобрнауки РФ 14.В37.21.1004 «Модели падежной грамматики и естественный язык». Данная работа была представлена в качестве доклада на II школе-конференции «Проблемы языка: взгляд молодых учёных» (Институт языкознания РАН, Москва, сентябрь 2013 г.). Я благодарю Ю. А. Ландера за замечания к первоначальному тексту статьи и за помощь в сборе недостающего материала, а также Я. Г. Тестельца за ряд ценных комментариев.

венный падеж (традиционное название — эргатив), инструменталис (традиционное название — творительный) и адвербиалис (традиционное название — обстоятельственный или «превратительный»)². В ряде работ, в частности, в монографии Зекох 1969, постулируется ещё более обширная парадигма, однако эти предложения носят скорее спекулятивный характер и не получили распространения, как и терминологические предложения Н. Т. Гишева, см. Гишев 2008а, 2008б: 91. В табл. 1 приведены основные показатели падежей в адыгейском и кабардинском литературном языках³.

Таблица 1. Адыгские падежные показатели

	Адыгейский	Кабардинский
ABS		-r (-p)
OBL		-m (-m)
INS		-ç'e (-кIэ)
ADV	-ew (-эу)	-we (-уэ) ~ -w (-у)

Все падежные показатели в адыгских языках относятся к классу морфем, которые Р. Смеетс (см. Smeets 1984) назвал «окончаниями» (endings) — морфемами, располагающимися на правой периферии словоформы за пределами выделяющейся по ряду морфонологических и просодических критериев «основы», в противоположность входящим в основу суффиксам (об этом см., в частности, Ландер 2012: 102–108). В именной группе вершинное имя в сочетании с модифицирующими его прилагательными и некоторыми кванторными выражениями формирует фактически единую словоформу (так называемый «именной комплекс», о структуре которого см. Аркадьев и др. 2009: 50–51; в примерах образующие именной комплекс лексические основы будут разделяться знаком =), так что падежные показатели присоединяются справа к всему именному комплексу, ср. пример (1).

адыгейский литературный язык

- (1) хэгъэгү Юфышхохэр
хеҵег^wэ=ʔ^wеҵэ=ḡх^wе-хе-г
 страна=дело=большой-PL-ABS

‘большие государственные дела’ (ТК: 194)

Важнейшая особенность адыгского склонения, вообще говоря, находящаяся за пределами основного рассмотрения настоящей работы, но несмотря на это требующая некоторого обсуждения, — обусловленность формального выражения абсолютного и косвенного падежей референциальными и грамматическими признаками именной группы, а также лексическим классом имени. Во-первых, личные местоимения-локуторы вообще не присоединяют показатели абсолютива и обликвуса⁴, а присоединение последних к именам собственным факультативно и нерегулярно. Во-вторых, в адыгейском языке

² Статус адвербиалиса как падежной грамлеммы *sensu stricto* не вполне очевиден, поскольку основная её функция — формирование вторичного или зависимого предиката, а не выражение чисто именных ролей, так что некоторые исследователи, например, А. К. Шагиров (Шагиров 1961: 51; 2001) предпочитают рассматривать её как форму деепричастия, производного от имени статического глагола. Впрочем, в свете слабого противопоставления имён и глаголов в адыгских языках (см. Lander, Testelets 2006; Ландер 2012: 165–185) трактовка формы адвербиалиса как глагольной имеет очень слабую объяснительную силу и скорее усложняет описание.

³ Здесь и далее примеры, словоформы и показатели литературных адыгейского и кабардино-черкесского языков приводятся как в транскрипции, так и в принятой орфографии.

⁴ За исключением редких случаев, когда личное местоимение зависит от послелога, см. Ландер 2012: 80.

и его диалектах употребление показателей абсолютива и косвенного падежей как правило не допускается в именных комплексах, содержащих префиксы принадлежности; в кабардинском литературном языке и в ряде его диалектов такого ограничения нет.

В-третьих, употребление показателей абсолютива и обликвуса при нарицательных именах без показателей принадлежности связано с (не)референтностью или (не)определённостью именной группы: в общем случае отсутствие падежного показателя имплицитно означает неопределённость или нереперентность, в то время как оформленный падежным показателем именной комплекс в норме интерпретируется как определённый или по крайней мере референтный (подробнее см. об этом статью Я. Г. Тестельца в настоящем сборнике, а также Халбад 1975; Гишев 2008б; Аркадьев и др. 2009: 51–52; Ландер 2012: 78–79). С противопоставлением по определённости обычно связывается и обязательность употребления окончаний абсолютива и косвенного падежа в формах множественного числа, выражающегося показателем *-xe*, — такие формы выражают референтные множества объектов. Ср. следующие примеры из адыгейского языка и из бесленеевского диалекта кабардинского языка.

адыгейский литературный язык

- (2) а. Зэгорэм Адыгэ хэкум лы цлэрыуитлу исыгъэу къаложьы.

ze-g^were-m adəye=xek^wə-m λə=çe.rə.ʔ^w-jə-ʔ^w
раз-некий-OBL адыг=область-OBL мужчина=известный-LNK-два

jə-sə-k-ew q-a-ʔ^we-ž'ə.
LOC-сидеть-PST-ADV DIR-3PL.ERG-говорить-RE

‘Рассказывают, что когда-то в Адыгейской области жили двое известных мужчин.’ (неопределённая ИГ)

- б. А литлум ящитхурэ ядаушрэ чыжьэу луштыгъэ.

a λ-jə-ʔ^wə-m ja-š'ətχ^w-re ja-dawəš-re
TOT мужчина-LNK-два-OBL 3PL.PR+POSS-слава-COORD 3PL.PR+POSS-похвала-COORD

č'əž'-ew ʔ^wə-š'ət-ke.
далекий-ADV распространяться-IPF-PST

‘Слава и хвала тех двух мужчин распространялись далеко.’ (определённая ИГ) (ТК: 194)

бесленеевский диалект кабардинского языка (собственные полевые данные)

- (3) а. *g^wə.ɟawe sabjə-xe-r txəl zer-je-mə-ž'e-xe-r.*

обида ребёнок-PL-ABS книга REL.FCT-DAT-NEG-читать-PL-ABS

‘Жаль, что дети не читают книг.’ (нереперентная ИГ)

- б. *dəw^wase twəč'anə-m sə-k^we-rjə, txəl-xe-r ɟe-s-š'ex^w-a.*

вчера магазин-OBL 1SG.ABS-идти-CNV книга-PL-ABS DIR-1SG.ERG-купить-PST

‘Вчера я пошёл в магазин и купил книги.’ (референтная неопределённая ИГ)

Зависимость выражения падежей от референтного статуса именной группы трактуется в адыговедении по-разному. Наиболее распространённой, по-видимому, является представленная во многих грамматиках (ср., например, Рогава, Керашева 1966: 61–61; Кумахов (ред.) 2006: 92–94) точка зрения о противопоставлении так называемых «определённого» и «неопределённого» склонений и о том, что показатели абсолютива *-r* и обликвуса *-m* синкретично выражают значения падежа и определённости (референтности). Несколько иную трактовку предлагает М. А. Кумахов, см. Кумахов 1971: 65–67 и след., согласно которому показатели *-r* и *-m* выражают только «артикле-

вые функции» и «не относятся к сфере падежей» (критику обоих подходов см. в работе Гишев 2008б). Здесь будет принята традиционная точка зрения на соотношение падежных окончаний и референтности/определённости, не требующая усложнения описания (ведь если показатели *-r* и *-m* суть «артиккли», то необходимо включить в грамматику дополнительное правило, регулирующее их распределение относительно синтаксических контекстов, т. е., фактически, падежей) и согласующаяся с хорошо известными из типологии обобщениями относительно падежной (не)оформленности и референциального статуса (см., например, Comrie 1979; Bossong 1985).

Противопоставление «определённого» и «неопределённого» типов склонения релевантно не только для абсолютива и обликвуса, но и для других падежей, по крайней мере, для инструменталиса, поскольку инструменталис от определённых/референтных имён образуется путём присоединения окончания *-č'e* к окончанию косвенного падежа (при этом, вообще говоря, противопоставление форм инструменталиса на *-č'e* и на *-m-č'e* не сводится к чистой детерминации, см. Кузнецова, Сердобольская 2009), что может рассматриваться как «вырожденная» параллель к хорошо представленному в языках Дагестана «двухъярусному» склонению. Для литературного кабардинского языка постулируется также противопоставление определённого и неопределённого вариантов адвербиалиса (см., например, Кумахов (ред.) 2006: 95), однако определённый адвербиалис, в подтверждение упоминавшейся выше идеи А. К. Шагирова о «глагольном» характере этой формы, образуется от сочетания имени (без падежных показателей) со связочным элементом *-ra*.

Таким образом, «идеальная» падежная парадигма адыгских нарицательных имён имеет вид, представленный в табл. 2 (без учёта адвербиалиса).

Таблица 2. «Идеальная» парадигма адыгского склонения

	«определённые»		«неопределённые»
	SG	PL	
ABS	<i>-r</i>	<i>-xe-r</i>	∅
OBL	<i>-m</i>	<i>-xe-m</i>	
INS	<i>-m-č'e</i>	<i>-xe-m-č'e</i>	<i>-č'e</i>

Основным объектом дальнейшего рассмотрения будут различные отклонения от продемонстрированного в табл. 2 «идеала», встречающиеся в адыгских идиомах, в первую очередь в литературном адыгейском языке и лежащем в его основе темиргоевском диалекте, а также в литературном кабардинском языке и в его бесленеевском диалекте. Материал почерпнут как из существующих описаний или опубликованных текстов (в том числе текстах в интернете), так и из собственных полевых материалов автора.

2. КУМУЛЯЦИЯ ПАДЕЖА И ЧИСЛА В АДЫГЕЙСКОМ

Комбинация граммем множественного числа и косвенного падежа в адыгейском языке может выражаться, наряду с агглютинативным (морфологически и функционально аддитивным) комплексом морфем *-xe* PL и *-m* OBL, также единым кумулятивным окончанием *-me^s*, которое при этом может выступать и как единственное средство выражения этих граммем, и присо-

⁵ Данный показатель представлен также в ряде кабардинских диалектов — в терском (см. Куашева 1969: 136), кубанском (Кумахов 1969: 204) и баксанском (Мамрешев 1969: 259–261), — однако он выступает везде как алломорф косвенного падежа и нигде не выражает значения множественного числа.

единяться к показателю множественного числа *-xe*. Тем самым, одна комбинация граммем имеет в адыгейском языке три различных способа выражения: аддитивный *-xe-m*, кумулятивный *-me* и плеонастический *-xe-me*, причём выбор между ними в общем случае является свободным и определяется стилистически или индивидуальными предпочтениями говорящих (ср. Таов 1967: 18–19). Нижеследующие примеры иллюстрируют все три случая.

адыгейский литературный язык

(4) Алп шы лъэпкъхэм быбын альэкIыщтыгъэ.

alp=šə=λepq-xe-m bəbə-n a-λeč'ə-š'tə-ve.
альп=лошадь=порода-PL-OBL лететь-POT 3PL.ERG-мочь-IPF-PST

‘Лошади породы альп могли летать.’ (НС: 50)

(5) Шы лъабжьэмэ къачIэзырэ етIэ такьырышхохэр

šə=labže-me q-a-č'e-zə-re jeje=taqərə=šx^we-xe-r
лошадь=лапа-ERG.PL DIR-3PL.IO-LOC-падать-DYN земля=кусок=большой-PL-ABS

‘вылетающие из-под лошадиных копыт большие куски земли’ (НС: 50)

(6) хьэкIэщы дэпкъхэмэ рекIокIэу

heč'eš'ə=depq-xe-me r-je-k^we-č'-ew
кунацкая=стена-PL-OBL LOC-DAT-идти-вдоль-ADV

‘вдоль стен конацкой’ (ТК: 195)

В текстах, представленных в интернете, также широко представлены все три варианта косвенного падежа множественного числа; при этом вполне предсказуемым образом плеонастический вариант наименее частотен, а из двух оставшихся вариантов агглютинативный *-xe-m* оказывается предпочтительным при неодушевлённых именах, а кумулятивный *-me* — при одушевлённых⁶.

Таким образом, реальный облик адыгейской падежной парадигмы оказывается сложнее представленного в табл. 2, ср. табл. 3.

Таблица 3. Парадигма адыгейского нарицательного существительного («определённое» склонение)

	SG	PL
ABS	<i>-r</i>	<i>-xe-r</i>
OBL	<i>-m</i>	<i>-xe-m, -me, -xe-me</i>
INS	<i>-m-č'e</i>	<i>-xe-m-č'e</i>

Такая парадигма, казалось бы, отличающаяся от «идеальной» лишь в одной конкретной клетке, тем не менее, представляет целый ряд проблем описательного и особенно теоретического характера. Рассмотрим эти проблемы подробнее.

Во-первых, само наличие в агглютинативной парадигме единичной кумулятивной морфемы является отклонением от принципа единообразия структуры парадигмы, в той или иной мере эксплицитно присутствующего в большинстве морфологических теорий

⁶ Ср. следующие данные поисковой системы Google на 10.08.2013: ‘человек:PL.OBL’: *цIыфхэм* 54, *цIыфмэ* 64, *цIыфхэмэ* 26; ‘парень:PL.OBL’: *кIалэхэм* 30, *кIалэмэ* 90, *кIалэхэмэ* 3; ‘день:PL.OBL’: *мафэхэм* 48, *мафэмэ* 12, *мафэхэмэ* 4; ‘дело:PL.OBL’: *Ioфхэм* 39, *Ioфмэ* 14, *Ioфхэмэ* 4. По двустороннему критерию Фишера различие между одушевлёнными и неодушевлёнными именами в частотности форм на *-хэм* и на *-мэ* является статистически весьма существенным ($p < 0.0001$), хотя очевидно, что двух пар лексем недостаточно для сколько-нибудь надёжных выводов.

(ср., в частности, явную формулировку этого требования как одного из критериев «канонической» парадигматики в Corbett 2008: 14). «Смешанные» парадигмы такого рода нуждаются для своего описания в большем числе правил и предположительно более сложны для усвоения и запоминания, см. Plank 1986, хотя в небольших парадигмах вроде адыгской эти эффекты практически незаметны (о различиях в тенденциях морфологического устройства «больших» и «малых» парадигм см., в частности, Rhodes 1987).

Во-вторых, как уже было сказано, ситуация в адыгейском осложняется наличием в парадигме клетки, не просто заполненной кумулятивным показателем, но допускающей целых три альтернативных способа выражения (явление *overabundance*, о котором см., в частности, Thornton 2012). В большинстве современных морфологических теорий вариативность выражения грамматических значений связывается либо с относительно тривиальной алломорфией вроде представленной в формах русского творительного падежа единственного числа *мною* ~ *мною*, либо с противопоставлением альтернативных типов словоизменения вроде русского *капает* ~ *каплет*, т. е. целых парадигм. Случай же с адыгейским косвенным падежом множественного числа не попадает ни в один из этих классов и, напротив, относится к тем случаям, которые представляют явную проблему для некоторых морфологических теорий.

Действительно, само по себе наличие в парадигме кумулятивной морфемы не представляет сколько-нибудь серьёзной сложности как для «реализационных» (словесно-парадигматических) теорий вроде Paradigm Function Morphology Г. Стампа (Stump 2001), так и для Распределённой морфологии (Distributed Morphology, см. Halle, Marantz 1993): в обеих моделях окончание *-me* описывалось бы правилом вида (7a) или (7b), которые бы, по общему для обеих теорий принципу, требующему, чтобы более специальное правило применялось ранее более общего, применялись бы до правил, вводящих некумулятивные показатели множественного числа и обликвуса, см. (8).

(7) a. $\{\text{num:pl, case:obl}\}(L) = \text{stem}_L + me$

b. $/me/ \leftrightarrow \text{pl obl}$

(8) a. i. $\{\text{num:pl}\}(L) = \text{stem}_L + xe$

ii. $\{\text{case:obl}\}(L) \rightarrow \text{stem}_L + m$

b. i. $/xe/ \leftrightarrow \text{pl}$

ii. $/m/ \leftrightarrow \text{obl}$

Проблема, однако, состоит именно в том, что в адыгейском правила (7) и (8) не исключают друг друга — это в принципе можно было бы описать, постулировав факультативность правила (7), — и, более того, способны сочетаться: при порождении форм на *-xe-me* сначала применяется правило (8i), а затем правило (7), при том, что в имеющейся формулировке они могут лишь исключать друг друга. Один из возможных способов избежать этого парадокса состоит в том, чтобы переформулировать правило (7) так, чтобы показатель *-me* был факультативным алломорфом обликвуса в контексте множественного числа, ср. (9), однако это не решало бы проблему форм, в которых *-me* является **единственным** средством выражения граммы *pl*. По-видимому, полное описание должно было бы содержать все правила (7)–(9) и дополнительный ступенчатый механизм, регулирующий факультативность их применения, ср. (10).

(9) a. $\{\text{case:obl}\}(L) = \text{stem}_L + me / \{\text{num:pl}\} \text{ ____}$

b. $/me/ \leftrightarrow \text{obl} / \text{pl} \text{ ____}$

(10) (7) или [(8i) и [(8ii) или (9)]]

Разумеется, существующие морфологические теории обладают достаточно мощным аппаратом для того, чтобы описать выражение косвенного падежа множественного числа в адыгейском языке, однако сама по себе необходимость прибегать к разного рода механистическим ухищрениям говорит о нетривиальности эмпирических фактов.

Ситуация дополнительно осложняется тем, что вариативность в выражении комбинации граммем *obl,pl* не распространяется на инструменталис множественного числа, который, казалось бы, должен образовываться простым присоединением окончания *-č'e* к форме косвенного падежа: форм *ins,pl* на **-me-č'e* или **-xe-me-č'e* не существует. Таким образом, если для «идеальной» парадигмы достаточно было бы правила образования инструменталиса в (11), то для описания реального положения дел необходимо либо дополнить его формальным ограничением вроде (12а), либо наложить дополнительные условия на правила образования косвенного падежа, ссылающиеся на контекст как множественного числа («слева»), так и инструменталиса («справа») (12b)⁷.

$$(11) \{case:ins\}(L) = \{case:obl\}(L) + \check{c}'e$$

$$(12) a. \{case:ins\}(L) = \{case:obl\}(L) + \check{c}'e / \{case:obl\}(L) = stem + m$$

$$b. \{case:obl\}(L) = stem_L + m / num:pl \text{ ___ } case:ins$$

Обсуждавшийся здесь материал необходимо дополнить данными склонения указательных местоимений, которые также демонстрируют нетривиальные особенности. Во-первых, в форме косвенного падежа единственного числа указательные местоимения имеют особый показатель *-š' <-щ>* (в ряде говоров также *-j*), который обязательно употребляется вместо регулярного *-m*. Тем самым, здесь мы имеем дело с очередным случаем кумуляции, правда, более простым, чем рассмотренный выше; он описывается правилом (13).

$$(13) \{num:sg, case:obl\}(L | L \in dem) = stem_L + \check{s}'$$

Во множественном числе указательные местоимения склоняются так же, как обычные существительные, за исключением того, что в них окончание косвенного падежа *-me* никогда не употребляется само по себе, без предшествующего ему показателя множественного числа *-xe*. Иными словами, к указательным местоимениям неприменимо правило (7). Пример парадигмы склонения местоимения 'тот' в литературном адыгейском языке приведён в табл. 4.

Таблица 4. Парадигма адыгейского указательного местоимения

	SG	PL
ABS	<i>a-r</i> (ар)	<i>a-xe-r</i> (ахэр)
OBL	<i>a-š'</i> (аш)	<i>a-xe-m, a-xe-me</i> (ахэм, ахэмэ)
INS	<i>a-š'-č'e</i> (ашкIэ)	<i>a-xe-m-č'e</i> (ахэмкIэ)

Стоит отметить, что облик формы инструменталиса единственного числа указательных местоимений наглядно доказывает, что данный падеж образуется именно

⁷ Дополнительные данные, связанные с образованием координативных форм с суффиксом *-re* (об особенностях их взаимодействия с падежными показателями см., например, Ершова 2011), в которых из трёх вариантов формы *obl,pl* также допускается лишь агглютинативная форма на *-xe-m* (ср. *цыф-хэ-м-рэ джынэ-хэ-м-рэ* человек-PL-OBL-COORD дух-PL-OBL-COORD 'люди и духи'), скорее говорят в пользу правила (12а). С другой стороны, возможно, что на появление суффикса *-me* накладывается ограничение, связанное с границей словоформы: по-видимому, он допускается лишь абсолютном её конце и заменяется на агглютинативное выражение при добавлении справа каких-либо аффиксов.

от формы косвенного падежа, а не присоединяется к гипотетическому показателю определённости *-m*.⁸

Таким образом, адыгейское именное склонение, несмотря на кажущуюся простоту и прозрачность, демонстрирует целый ряд нетривиальных явлений, с трудом поддающихся непротиворечивому описанию в рамках современных морфологических теорий. В первую очередь это связано с парадоксальным статусом показателя *-me*, который ведёт себя одновременно и как кумулятивный, и как агглютинативный, а его факультативность создаёт в единственной клетке парадигмы типологически и теоретически нетривиальный случай морфологической вариативности.

3. КОСВЕННАЯ ОСНОВА УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В КАБАРДИНСКОМ

В отличие от адыгейского, в кабардинском языке и его диалектах, насколько мне известно, не представлены явления, подобные рассмотренным в предыдущем разделе, — склонение нарицательных имён полностью соответствует в кабардинском «идеальной» модели. Нетривиально, однако, устройство парадигмы указательных местоимений, представленное для литературного кабардино-черкесского языка в табл. 5, см. Кумахов (ред.) 2006: 119–120.

Таблица 5. Парадигма указательного местоимения
в кабардинском литературном языке

	SG	PL
ABS	<i>a-r</i> (ар)	<i>a-xe-r</i> (ахэр)
OBL	<i>a-bə</i> (абы)	<i>a-xe-m, a-bə-xe-m</i> (ахэм, абыхэм)
INS	<i>a-bə-č'e</i> (абыкIэ)	<i>a-xe-m-č'e, a-bə-xe-m-č'e</i> (ахэмкIэ, абыхэмкIэ)

С одной стороны, парадигма в табл. 5 сходна по структуре с аналогичной адыгейской парадигмой в табл. 4 — лишь в качестве показателя косвенного падежа единственного числа в кабардинском выступает формант *-bə*. Тем не менее, как легко видеть, указанный формант может присутствовать в косвенных формах не только единственного, но и множественного числа. Возникает вопрос о статусе морфемы *-bə* и о том, с какими явлениями, помимо вариативности выражения, мы имеем дело в данной парадигме.

Для единственного числа статус морфемы *-bə* кажется очевидным — она выражает косвенный падеж, являясь единственным его показателем (ср. ниже несколько иную ситуацию в бесленеевском диалекте), ср. морфологическое правило (14).

$$(14) \{ \text{num:sg, case:obl} \} (L | L \in \text{dem}) = \text{stem}_L + bə$$

Экстраполировать правило (14) на множественное число, однако, тривиальным образом невозможно, поскольку в конъюнкции с правилом о порядке присоединения показателей числа и падежа (14) давало бы несуществующие формы типа **a-xe-bə*. Действительно, в формах типа *a-bə-xe-m* значение косвенного падежа, очевидно, выражено дважды (явление множественного выражения грамматического значения, extended

⁸ Отмечаемые наряду с формами типа *a-š'-'č'e* также формы без показателя косвенного падежа: *a-č'e* 'туда' (ср. Гишев 2008б: 51) — по-видимому, лексикализованы в пространственном значении и могут синхронно не рассматриваться как падежные.

exponence, ср. Matthews 1972: 82) — один раз стандартным показателем косвенного падежа *-m* справа от окончания множественного числа, и второй раз показателем *-bə* слева от окончания множественного числа и в нарушение общего для всех адыгских языков порядка следования показателей числа и падежа. Один из возможных способов описания такого поведения кабардинских указательных местоимений множественного числа — постулировать, что в качестве основы косвенного падежа множественного числа берётся форма косвенного падежа единственного числа, ср. (15). Разумеется, данное правило должно быть факультативным, чтобы допускать образование регулярных форм типа *a-xe-m*.

- (15) a. {num:pl}(L) = stem_L+xe
 b. {num:pl}(L | L ∈ dem) = {num:sg, case:obl}(L)+xe / {case:obl} ____

Тем самым, в литературном кабардинском языке мы имеем дело с довольно нетривиальным типом «двухосновного» склонения, когда один и тот же показатель косвенной основы (в единственном числе «по совместительству» выражающий собственно значение косвенного падежа) выступает в косвенных падежах обоих чисел, и при этом показатель самого множественного числа одинаков для всех падежей, ср. схему (16). Насколько можно судить, такая модель склонения не была отмечена в дагестанских языках (из рассмотренных в работе Кибрик 2003 моделей ближе всего к обсуждаемой здесь лакская модель с «чистой (нечисловой) косвенной основой», там же: 218–219), и тем самым, кабардинские данные служат дополнением к типологии двухосновного склонения в северокавказских языках⁹.

- (16) AbsSg ← корень → AbsPl
 ↓
 OblSg = Obl → OblPl

Почтительно сопоставить парадигму указательных местоимений литературного кабардино-черкесского языка с аналогичной парадигмой в бесленеевском диалекте (данные бесленеевского диалекта собраны в ауле Уляп Красногвардейского района Республики Адыгея в 2011 гг.), ср. табл. 6.

Таблица 6. Парадигма указательного местоимения в бесленеевском диалекте кабардинского языка

	SG	PL
ABS	<i>a-r</i>	<i>a-xe-r, a-bə-xe-r</i>
OBL	<i>a-bə, a-bə-m</i>	<i>a-xe-m, a-bə-xe-m</i>
INS	<i>a-bə-č'e, a-bə-m-č'e</i>	<i>a-xe-m-č'e, a-bə-xe-m-č'e</i>

В отличие от парадигмы литературного языка, где морфологические варианты имелись лишь в формах косвенного и инструментального падежей множественного числа, в бесленеевском диалекте вариативность наблюдается во всех клетках парадигмы, за исключением абсолютива единственного числа. Важнейшим отличием бесленеевской парадигмы от литературной кабардинской является наличие формы OBL,SG *a-bə-m*, в которой к специфически местоименному показателю косвенного падежа *-bə* присоединяется регулярный маркер *-m*¹⁰, и формы ABS,PL *a-bə-xe-r*, где показатель *-bə*

⁹ Подобные парадигмы представлены и в шапсугском диалекте адыгейского языка, ср. формы OBL,PL *a-š'-me, a-š'-xe-me*, см. Керашева 1995/1957: 251–252.

¹⁰ Такие формы отмечаются также в кубанском диалекте, см. Кумахов 1971: 110.

выступает в форме абсолютива. Вариативность склонения бесленеевских указательных местоимений можно более наглядно представить как противопоставление двух типов парадигмы — регулярной, в которой формант *-bə* выполняет функцию показателя косвенного падежа единственного числа, и парадигмы с противопоставлением, которое А. Е. Кибрик (см. Кибрик 2003: 219–221) называет «оппозицией маркированного и немаркированного корня», в которой показатель *-bə* обобщился в качестве маркера основы, выступающей во всех формах, кроме ABS, SG, ср. табл. 7.

Таблица 7. Парадигма указательного местоимения в бесленеевском диалекте кабардинского языка (модифицированное представление)

	регулярная		с маркированным корнем	
	SG	PL	SG	PL
ABS	<i>a-r</i>	<i>a-xe-r</i>	<i>a-r</i>	<i>a-bə-xe-r</i>
OBL	<i>a-bə</i>	<i>a-xe-m</i>	<i>a-bə-m</i>	<i>a-bə-xe-m</i>
INS	<i>a-bə-č'e</i>	<i>a-xe-m-č'e</i>	<i>a-bə-m-č'e</i>	<i>a-bə-xe-m-č'e</i>

Разумеется, здесь не идёт речь о том, что показанные в табл. 7 две парадигмы представлены как таковые в сознании носителей бесленеевского диалекта и чётко противопоставлены — носители владеют полным набором форм обеих парадигм и свободно выбирают ту или иную форму в зависимости от индивидуальных предпочтений или каких-либо пока не изученных особенностей контекста. Тем не менее, идеализированное представление в табл. 7 показывает, что носители диалекта выбирают между вариантами парадигмы, в каком-то смысле более «естественными» и тривиальными, нежели тот, что представлен в литературном языке. Более того, судя по данным интернета, в котором можно обнаружить — с различной частотностью¹¹ — все формы из табл. 6 и 7, литературная кабардино-черкесская система возможно, является скорее конструктором нормализаторов, нежели фактом языковой реальности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные выше факты адыгских языков представляются весьма поучительными. Во-первых, они показывают, что даже, казалось бы, вполне агглютинативные парадигмы могут содержать нетривиальные отклонения от аддитивного «идеала». Во-вторых, они демонстрируют, что эти отклонения превращаются в серьёзную описательную и теоретическую проблему, когда накладываются на свободное варьирование — явление, как правило, не принимаемое во внимание теоретиками морфологии. Действительно, сосуществование в адыгейском языке трёх, казалось бы, исключających друг друга способов выражения одной и той же комбинации граммем — косвенного падежа и множественного числа — не может быть простым образом описано в рамках наиболее популярных сейчас формальных подходов к морфологии. Наконец, представленные в кабардино-черкесском языке элементы «двухосновного» склонения указательных местоимений нетривиальным

¹¹ Привести точные статистические данные невозможно из-за омографии ряда кабардино-черкесских форм как с соответствующими адыгейскими, так и со словоформами ряда других языков. Отмечу, что наименее тривиальная форма *абыхэр* отмечена в поисковой системе Google два раза (на 10.08.2013), что же касается формы *абым*, то она отмечена весьма значительное, хотя и не поддающееся точному измерению, число раз.

образом дополняют типологию такого рода парадигматических систем, разработанную на материале дагестанских языков А.Е. Кибриком.

Сокращения

ABS — абсолютив, ADV — адвербиалис, CNV — конверб, COORD — координатив, DAT — дативный преверб, DIR — директивный преверб, DYN — динамичность, ERG — личный показатель ряда эргатива, IO — не прямой объект, IPF — имперфектив, LNK — соединительный элемент, LOC — локативный преверб, NEG — отрицание, OBL — косвенный падеж, PL — множественное число, POSS — посессивность, POT — потенциалис, PR — посессор, PST — прошедшее время, RE — рефактив, REL.FCT — фактивная релятивизация, SG — единственное число

Источники примеров

- НС — Саусэрыкъо щэмыохъум зэрэИэкИкыгъэр. 2007. Нарт къэбархэр. Майкоп: Качество. С. 50–60.
- ТК — КIэращ Тембот. Лыгъэ гъэунэф. 1963. Ны Iущым ыпхъу. Мыекъуапэ: Адыгэ тхылъ тедзапI. С. 194–206.

Литература

- Аркадьев П. М., Ландер Ю. А., Летучий А. Б., Сумбатова Н. Р., Тестелец Я. Г. 2009. Введение. Основные сведения об адыгейском языке. Я. Г. Тестелец (ред.), Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ. С. 17–120.
- Гишев Н. Т. 2008а. О составе и названиях адыгских падежей. Н. Т. Гишев. Избранные труды по языкознанию. Майкоп: Качество. С. 152–158.
- Гишев Н. Т. 2008б. К проблеме об определённости-неопределённости. Н. Т. Гишев. Избранные труды по языкознанию. Майкоп: Качество. С. 40–91.
- Ершова К. А. 2011. Групповое оформление именных сочинительных конструкций в адыгейском языке. Д. П. Бак (ред.), Полевые исследования студентов РГГУ: Этнология. Фольклористика. Лингвистика. Религиоведение. Вып. VI. М.: РГГУ. С. 195–207.
- Зекох У. С. 1969. Система склонения в адыгейском языке. Майкоп: Краснодарское книжное изд-во, адыгейское отд-е.
- Керашева З. И. 1995/1957. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. Керашева З. И. Избранные труды и статьи. Т. I. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство. С. 193–336. (1-е изд. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1957.)
- Кибрик А. Е. 2003. Именное словоизменение в дагестанских языках с типологическими параллелями. А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя. С. 196–269.
- Куашева Т. Х. 1969. Терские говоры. М. А. Кумахов (ред.), Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик. С. 119–189.
- Кузнецова Ю. Л., Сердобольская Н. В. 2009. Двойное падежное маркирование: уникальный случай адыгейского языка. Я. Г. Тестелец (ред.), Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ. С. 166–200.
- Кумахов М. А. 1969. Кубанский диалект. М. А. Кумахов (ред.), Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик. С. 190–248.

- Кумахов М. А. 1971. Словоизменение адыгских языков. М.: Наука.
- Кумахов М. А. (ред.) 2006. Кабардино-черкесский язык. Т. I. Создание письменности, фонетика и фонология, морфология, синтаксис. Нальчик: Эль-Фа.
- Ландер А. Ю. 2012. Релятивизация в полисинтетическом языке: адыгейские относительные конструкции в типологической перспективе. Диссертация ... кандидата филологических наук. М.: РГГУ.
- Мамрешев К. Т. 1969. Баксанский диалект. М. А. Кумахов (ред.), Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик, 249–289.
- Рогава Г. В., Керашева З. И. 1966. Грамматика адыгейского языка. Краснодар, Майкоп: Краснодарское книжное издательство.
- Таов Х. Т. 1967. Склонение в адыгских языках в сравнительном аспекте. Нальчик: Кабардино-балкарское книжное издательство.
- Халбад Т. Х. 1975. Выражение категорий определенности и неопределенности в абхазо-адыгских языках. Тбилиси: Мецниереба.
- Шагиров А. К. 1961. Сравнительная характеристика системы склонения в адыгских языках. Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М.
- Шагиров А. К. 2001. О так называемом превратительном, или выделительном, падеже в адыгских языках. Н. С. Бабенко (ред.). Язык: теория, история, типология. М.: Эдиториал УРСС. С. 502–506.
- Bossong G. 1985. Empirische Universalienforschung: Differentielle Objektmarkierung in den neuiraischen Sprachen. Tübingen: Narr.
- Comrie B. 1979. Definite and animate direct objects: A natural class. *Linguistica Silesiana*, Vol. 3. P. 13–21.
- Corbett G. G. 2008. Determining morphosyntactic feature values: The case of case. Corbett G. G., Noonan M. (eds.). *Case and Grammatical Relations. Studies in Honor of Bernard Comrie*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins. P. 1–34.
- Halle M., Marantz A. 1993. Distributed Morphology and the pieces of inflection. K. Hale, S. Keyser (eds.). *The View from Building 20: Essays in Linguistics in Honor of Sylvian Bromberger*. Cambridge (MA): The MIT Press. P. 111–176.
- Kibrik A. E. 1991. Organising principles for nominal paradigms in Daghestanian languages: Comparative and typological observations. Plank F. (ed.). *Paradigms: The Economy of Inflection*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter. P. 255–274.
- Kuipers A. H. 1962. The Circassian nominal paradigm: A contribution to case theory. *Lingua*. Vol. 11. P. 231–248.
- Lander Yu. A., Testeleys Ya. G. 2006. Nouniness and specificity: Circassian and Wakashan. Handout of paper presented at the Conference Universals and Particulars in Parts-of-Speech Systems, University of Amsterdam.
- Mathews P. H. 1972. *Inflectional Morphology: A Theoretical Study Based on Aspects of Latin Verb Conjugation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Plank Fr. 1986. Paradigm size, morphological typology, and universal economy. *Folia Linguistica*, Vol. 20. P. 29–48.
- Rhodes R. 1987. Paradigms large and small. *Proceedings of the 13th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley. P. 223–234.
- Smeets R. 1984. *Studies in West Circassian Phonology and Morphology*. Leiden: The Hakuchi Press.
- Stump G. T. 2001. *Inflectional Morphology. A Theory of Paradigm Structure*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Thornton A. M. 2012. Overabundance in Italian verb morphology and its interactions with other non-canonical phenomena. Th. Stolz et al. (eds.), *Irregularity in Morphology (and beyond)*. Berlin: Akademie-Verlag. P. 251–269.